

И ВДРУГ — в конце беседы — показалось: он понял, что я вглядывался в него не просто как в Габриловича, известного сценариста и писателя, а как в представителя иного поколения.

Он усмехнулся:

— Да-а...

И показалось, что он слушал меня не просто как корреспондента молодежной газеты.

Ему, большому художнику, человеку, который на год старше двадцатого века, бесконечно интересно все, что происходит с нынешней молодежью.

— Не так давно я сдал на «Мосфильм» сценарий «На пороге». Он — о молодежи, комсомольцах, о тех, кто только вступает в большую жизнь. Не буду раскрывать сюжет, скажу только, что постарался в нем высказать волнуемое меня. Ибо меня весьма беспокоит некоторая гражданская инфантильность нынешних молодых, их безоговорочное принятие на веру истин, которые с легкостью просто не могут быть усвоены. Однако я глубоко верю: большинство молодых людей, как во все времена, — это пытливые умы, горячие сердца, честность, искренность и прямолинейность. И юношеский максимализм простителен. Непростительно иное — конформизм, гражданская пассивность.

Во многих фильмах говорит Габрилович об этом, говорит с ему одному присущей интонацией. Сквозь годы и фильмы пронес он свою тему, свое видение мира и происходящего в нем.

— Мне приходилось отстаивать право на это, потому что всегда находились люди, утверждавшие, что они лучше знают, как и что надо делать в искусстве. После «Последней ночи», поставленной Ю. Райзманом, которая имела огромный успех у зрителей, разгорелись такие споры, что я, всегда не любивший и не умевший выступать, поднимался на трибуну и говорил... Однако, — прерывает себя Евгений Иосифович, — я уже писал об этом в своих книгах не раз, и сегодня не отказываюсь от того, что написал. Вы там найдете...

И я открываю «О том, что прошло», изданную в 1967 году:

«Я поднимался на трибуну и говорил, как умел, что, мол, понимаю ошибки «Последней ночи», признаю их и сожалею о них, однако настаиваю на том, что можно отобразить в кино самое великое и значительное в эпохе, рассказав всего лишь о самой простой и обычной жизни рядового советского человека; что можно показать всю народную ширь Октябрьской революции, рассказав всего лишь об одном крас-

ногвардейце, стоящем на каком-нибудь безлюдном, заброшенном посту, или даже о человеке, не выходящем из своей комнаты...».

И я открываю «Четыре четверти», изданные в 1975 году:

«Жизнь вечна и чувства вечны. Живет человек, бессмертны слезы его и смех, его восторги и беспокойства, живут плоды его рук, его дети и внуки, и тревога о них...».

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

СКАЗАТЬ СВОЕ СЛОВО

У нас в гостях Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР, киносценарист Евгений Иосифович ГАБРИЛОВИЧ

— Произведение, — говорит Евгений Иосифович, — покоряет объемом и правдой наблюдений, глубиной мысли, непредсказуемостью характеров — так полагаю я тогда и полагаю сейчас. Масштабный гражданский фильм не зависит от количества персонажей. Это — не мертвая теория, ее я всегда старался воплотить в сценариях. Не всегда удавалось...

— Евгений Иосифович, бывали в вашей жизни случаи, когда вы отказывались от своих замыслов?..

— Да. Но к худшему это? К лучшему? Не знаю. Вот «Коммунизм» вышел на экраны, и счастливо соединилось в его герое — Губанове — все то, о чем хотел я сказать год, пять лет назад...

Однако, если мне и случалось отступать от замысла, от мысли о возможности создать такой-то и такой-то сценарий, то никогда не отступал я от своего пути в искусстве.

Габрилович доказывает, подтверждает это всем тем, что сделал в кино. Новый сценарий его, который пока на письменном столе, — еще одно тому свидетельство.

— Он о любви, об отношениях родителей и детей. Впрочем, разве можно в

двух словах передать, о чем рассказывает сценарий или кинофильм? Лучше я в связи с ним скажу о другом — о чем думал, когда садился за письменный стол — о преподавании в искусстве. Всегда исходил из того, что если экран будет назидательным, шаблонным, то вызовет лишь сопротивление, раздражение. Учить с точки зрения искусства — значит погрузить человека в сферу переживаний, чувствований,

лишь раньше, как к людям даже не третьего, а пятого сорта. Наверное, все-таки инерция имеет большее значение. Мне повезло с первыми же картинками: «Машенькой», «Последней ночью», имевшими шумный успех. Ну и, видимо, еще захотелось, — он улыбается. — А потом почувствовал: в сценарии можно выразить все то, что в самой высокой прозе. И стал писать...

Со временем изменялся сценарий: из полуфабриката он все больше превращался в литературное произведение. Хотя за рубежом до сих пор сценарии остаются подсобным материалом. В пересмотре отношения к сценариям приоритет принадлежит советскому кинематографу.

А ЧТО же он думает о современной молодежи?

— Считаю, что возрастной рубеж становления, как бы поточнее выразиться, поднялся. Молодые порой слишком долго чувствуют себя начинающими. Меня удивляет любовь к бесконечному обучению. Верю, легче жить, когда думаешь, что еще учишься. Но «откладывание» на потом своего становления — не понимаю. Не надо ждать, пока закончишь институт. В творческих, да и всех иных вузах надо трудиться над собой. А то полагают: получи диплом — начну жить и работать. Поздно. В жизни экзамены посложнее институтских.

Тем более в искусстве. Здесь ожидать легкой жизни вообще не приходится. Говорят, сейчас трудно пробиться. Не отрицаю. Но когда есть талант, страсть, желание — ты победишь. Не завидую судьбе тех, кто приходит в цех, где рождается искусство, по протекции. В искусство по протекции нельзя пройти.

И — надо верить. Мы верили, когда делали «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше», «Ленин в Париже», именно поэтому мы с С. И. Юткевичем смогли сказать свое слово в советской киноленинниаде.

...Я полагаю, что и с последним сценарием все будет хорошо.

Тем не менее он волнуется, наверное, так же, как в первый раз. Волнуется за то, что уже сдал. И за то, что пишет.

Тихонько прикрываю дверь его комнаты в Доме ветеранов кино. И, уходя по ковровой дорожке тихого коридора, слышу стук пишущей машинки...

М. ДМУХОВСКИЙ.